

В. П. Буренинъ. Театръ. Томъ первый.

Вышелъ первый томъ собранія драматическихъ пьесъ В. П. Буренина. Это издание давно слѣдовало выйти. Не первый годъ занимается В. П. Буренинъ театромъ. Когда я совсѣмъ еще былъ далекъ отъ мысли выступить когда-нибудь на литературномъ полѣ, мнѣ уже попадались переводы и передѣлки драматическихъ пьесъ, сдѣланные В. П. Буренинымъ—«Діана Форнари» («Горачіе каштаны») передѣлка изъ Мюссе, переводъ «Нерона» Гущкова, живо затронувшее мое воображеніе, особенно послѣдняя драма, относящаяся къ классическому міру, которымъ я, реалистъ и инженеръ по диплому, восхищался всегда еще на школьной скамьѣ, можетъ быть именно потому, что мнѣ не приходилось терзаться надъ латинскими грамматикою и синтаксисомъ. Въ школьные мои годы я былъ постояннымъ читателемъ корневскихъ «Пет. Вѣд.». На столбахъ этой газеты я постоянно встрѣчалъ имя Буренина не только въ качествѣ литературнаго, но и театральнаго критика. Я тогда даже и не представлялъ себѣ, что когда-нибудь мнѣ придется не только познакомиться съ писателемъ, мысли и сужденія котораго я высоко цѣнилъ, но и работать вмѣстѣ въ одной и той же области, разумно театральную. Въ первые годы изданія А. С. Суворина въ «Новомъ Времени» Буренинъ еще нерѣдко помѣщалъ статьи и замѣтки о драматическомъ театрѣ рядомъ со статьями и замѣтками о томъ же предметѣ Д. В. Аверкіева, А. С. Суворина, А. Вѣжедкаго, покойнаго М. П. Федорова и другихъ лицъ, любившихъ и понимавшихъ театръ и сценическое искусство.

Я тоже всегда любилъ театръ, хотя моя любовь къ нему была иного рода, чѣмъ у большинства театраловъ. Знакомства съ актерами и актрисами я не искалъ и даже будучи еще студентомъ не ждалъ знаменитостей у театралныхъ выходовъ, ни бѣгать къ нимъ на квартиры съ просьбою охъ карточкахъ или о чемъ-либо подобномъ. Разъ только въ жизни купилъ я карточку актрисы. То былъ портретъ покойной теперь г-жи Шредеръ, бывшей Маринскаго театра и супруги г. Направника. Въ первые годы своей карьеры, когда она только что поступила на сцену, она была отличнѣйшею Вавою въ «Жизни за Царя» и очень милымъ Пиславомъ въ «Рогнедѣ». Мнѣ никогда не доводилось и впоследствии встрѣтиться съ пѣвицею, увлекавшею меня въ ювенескіе мои годы; мнѣ пришлось съ нею бесѣдовать только одинъ разъ, много лѣтъ спустя, когда мы случайно встрѣтились у смертнаго ложа знаменитой нѣкогда А. Я. Петровой-Воробьевои, не привлекавшаго изъ артистическаго міра никого кромѣ насъ двоихъ. Такъ г-жа Шредеръ никогда и не узнала, какого почитателя своего бывшаго дарованія имѣла во мнѣ и какое исключеніе изъ обычныхъ правилъ я сдѣлалъ нѣкогда для нея и только для нея одной.

Не слѣдуетъ думать, что я рассказываю это безъ цѣли. Совершенно подобное отношеніе къ театру и къ его служителямъ и служительницамъ я встрѣтилъ и въ В. П. Буренинѣ, когда познакомился съ нимъ, какъ и у большинства лицъ писавшихъ въ «Новомъ Времени» о театрѣ. Везкорыстное, психическое увлеченіе театромъ, не отступающее передъ жертвами всякаго рода на его пользу, полное равнодушіе къ личной жизни актеровъ и актрисъ, если только они не нуждались въ нашей помощи: тогда эти, совершенно чуждые намъ лично интересы становились важными и нерѣдко приходилось ссориться съ очень вліятельными и стало быть необходимыми лицами, чтобы защитить отъ несправедливости того или другого актера или актрису. Подобное отношеніе къ театру и его представителямъ и есть единственно такое, за которое должны бы быть глубоко признательны актеры, понимающіе и любящіе свое дѣло. Къ сожалѣнію, это пониманіе рѣдко встрѣчается у нихъ, и они цѣнятъ только печатную

строчку, кѣмъ бы она ни была написана, хотя бы круглымъ навѣждою и вдобавокъ туникою, строчку выпрошенную, вымолвленную или просто оплаченную. Какая развращенная атмосфера создается при подобныхъ условіяхъ, въ какое оцѣпенѣлое состояніе попадаетъ театръ, какое открывается вѣдствие этого широкаго поля для натравки, къ какимъ слѣдствіямъ для самой драматургіи ведетъ все это и говорить не приходится; это должно быть ясно каждому, у кого есть голова на плечахъ и кто въ самомъ дѣлѣ понимаетъ не только театральную психологию, а психологию человека вообще, не руководясь принципомъ «argens poiz le débile», хотя бы и въ такой второстепенной области, какова театральная.

Кажется, что В. П. Буренинъ совершенно раздѣляетъ высказанные здѣсь вкратцѣ основныя взгляды на взаимоотношенія театра, актеровъ и театралной критики. Онъ лично даже давно отстранился отъ театралной критики, не пишетъ о театрѣ, не даетъ указаній и совѣтовъ господамъ актерамъ и актрисамъ, приди вѣроятно къ сознанию безполезности этихъ совѣтовъ, по крайней мѣрѣ для большинства актеровъ. Я съ своей стороны жалко объ этомъ. Помидать поле брани не слѣдуетъ, въ особенности зная, кто теперь смѣло беретъ исполнять обязанности критика или хотя бы рецензента, пользуясь списходительностью, уступчивостью или невниманіемъ редакторовъ, какія грязныя и мѣсты цѣпки руки захватываютъ эту область. Но у Буренина есть тоже свои соображенія и желанія, прежде всего желаніе писать *для театра*, а не *о театрѣ*. П. г. Буренинъ правъ, отдавшись театралной продуктивности болѣе, чѣмъ это ему по разному приходится приходится дѣлать ранѣе. У него для этого гораздо больше знаній, вкуса и таланта, чѣмъ у поставщиковъ, снабжающихъ наши драматическія сцены своими товаромъ.

Онъ кажется всегда любилъ классическій міръ, а вмѣстѣ съ нимъ и Италію. По крайней мѣрѣ, сколько я припоминаю его работы для театра, равно какъ глядя и

на тѣ, которыя помѣщены въ первомъ вышедшемъ томѣ его театралныхъ пьесъ, я вижу, что большинство относится къ классическому міру, къ Италіи, вообще поситъ извѣстную романтическую окраску, хотя бы сюжеты ихъ и были почерпнуты изъ римской или греческой жизни. Если кому покажется страннымъ мое замѣчаніе о романтизмѣ пьесъ В. П. Буренина, почерпнутыхъ изъ древняго міра, тотъ долженъ вспомнить, что стиль произведенія выражается въ его формахъ, въ складѣ мысленія автора; сюжетъ же при этомъ не играетъ никакой роли. Можно написать самую романтическую или самую реальную по современнымъ понятіямъ драму изъ классическаго міра и наоборотъ сдѣлать вѣчто сухое и высохшее изъ самаго яркаго сюжета, хотя бы заимствованъ его изъ испанскихъ драмъ *di sarra e espada*. «Калигула» Юма старшаго нельзя иначе отнести, какъ въ рубрику романтическихъ драмъ, точно такъ же какъ и «Нерона» Гущкова, гдѣ эпоха цезаризма изображена если не ярче, чѣмъ у Гамерлинга, то во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ въ «Неронѣ» итальянца Косса, которому, казалось бы, для такого сюжета давались и книги въ руки. Обѣ эти пьесы—Юма и Гущкова—какъ разъ переведены В. П. Буренинымъ. Пьеса Гущкова, сколько мнѣ помнится, не давалась на нашихъ сценахъ, она врядъ ли и удобна для театра (въ ней прежде всего слишкомъ много монологовъ), но драма Юма сценична. Она и пойдетъ, какъ извѣстно, въ ямарѣ на Александринской сценѣ.

Помимо переводовъ названныхъ драмъ изъ римскаго міра я вспоминаю у В. П. Буренина еще двѣ другія, принадлежащія его перу и относящіяся къ тому же міру и къ той же эпохѣ разнужданнаго цезаризма. Это «Смерть Агриппины» и «Мессалина». Для послѣдней авторъ отчасти воспользовался пьесою Косса того же названія. Такъ какъ и эти драмы и указанные выше переводы еще не появились отдѣльными изданіями въ собраніи драматическихъ сочиненій г. Буренина, то я пока оставлю ихъ въ сторонѣ, только отмѣтивъ существованіе на рус-

скимъ языкѣ цѣлой сценической тетралогіи, рисующей наиболѣе яркія и типическія страницы сумасбродной эпохи первыхъ цезарей. Не знаю, не разучились ли наши актеры не только исполнять «костюмныя» пьесы, но даже поситъ костюмы чуждыхъ имъ странъ и эпохъ. Мы это увидимъ въ ближайшемъ будущемъ, но помню, что исполненіе «Смерти Агриппины», поставленной лѣтъ 10—12 назадъ на Александринской сценѣ, оставило меня лично далеко не удовлетвореннымъ. Надо думать, что участвовавшія въ послѣднее время поѣздки нашихъ актеровъ и актрисъ въ Италію,—о чемъ намъ обязательно сообщаютъ разные интервьюеры,—заставятъ ихъ лучше почувствовать ту романтически-реальную окраску классическаго міра, которую они могли замѣтить на мѣстѣ.

Въ первомъ томѣ «Театра» г. Буренинъ помилъ: «Потопувшій колоколъ» (переводъ пьесы Гергарта Гауптмана), «Забава Путишина», «Ожерелье Афродиты», «Женщина съ киваломъ», «Мадонна Беатриче» и «Фіамета». Недостаетъ стало быть «Сердца принцессы Озры», «Замка смерти», перевода «Вѣднаго Генриха», драмъ «Графъ Кевенгозаркъ», «Смерти Агриппины» и «Мессалины», которыя войдутъ въ послѣдующіе томы. Вотъ кажется всѣ работы г. Буренина для театра, если только память не обманула меня. Загажъ значительный для того, чтобы обратиться на г. Буренина вниманіе, какъ на писателя, поработавшаго для театра. Нѣкоторые изъ его пьесъ кажется еще не давались на сценѣ, другія напротивъ сдѣланы не только репертуарными, но даже пожелали сюжетами для оперъ. Такъ, въ «Серии либретто» передѣланы «Потопувшій колоколъ» для г. А. Давидова и «Забава Путишина». Успѣхъ послѣдней комедіи, раскрывшій передъ нами міръ нашихъ былинъ, въ которомъ не думали ни современный зритель, ни современные драматурги, уже породилъ продолжателей: московскій композиторъ г. Гречаниновъ сочинилъ «Добрыню Никитича», оперу, которая теперь поставлена въ Москвѣ.

Я впрочемъ кажется не совсѣмъ правъ, говоря, что никто изъ драматурговъ раньше

В. П. Буренина не думалъ о богатомъ сценическомъ матеріалѣ, который могутъ представлять наши былины вообще. Цикль былинъ, относящихся наиримѣрь къ Владимиру Красному Солнышку, уже изложенъ въ драматической формѣ въ видѣ тетралогіи однимъ изъ нашихъ писателей, имя котораго къ сожалѣнію ускользнуло изъ моей памяти: до того эта тетралогія прошла въ свое время (лѣтъ пятьдесятъ—двадцать назадъ) незамѣченною. Владимиръ изображенъ въ ней въ разные періоды своей жизни, начиная отъ юности и до старости включительно. Если бы наши композиторы или писатели болѣе думали о томъ, что дѣлаютъ, то вѣроятно нашелся бы кто-нибудь изъ нихъ, кому припелись бы по сердцу эти сюжеты, открывающіе міръ почти новыхъ, потому что основательно забытыхъ впечатлѣній, образовъ, типовъ, понятій и представлений.

«Русланъ» Пушкина считался всегда и считается сказкою, почти недостойною Пушкина, паловливымъ подражаніемъ Аріосту, извиняемымъ только молодостью поэта. Оно такъ почти и есть. «Русланъ» былъ паловливымъ пробомъ пера, но пробомъ юноши гениальнаго. Можетъ быть совсѣмъ не случайно, а именно въ слѣдствіе заложенныхъ съ дѣтства симпатій, Пушкинъ обратился къ старымъ сказкамъ, которыя вели его на порогу въ славный Кіевъ, о которомъ мы всемъ позабыли.

Мы позабыли блестящее прошлое великокняжеской нашей исторіи, еще полной норманскаго отважнаго духа и «вѣжества», еще полной связи съ Европою. Кіевъ былъ не только столпкою большого государства, но и носителемъ культуры, ярко свѣтлившей не для однихъ только окружавшихъ его полудикихъ татарскихъ и половецкихъ ордъ. Его результатъ была твердо устанавливаема и на Западѣ Европы, не меньше, чѣмъ культурная репутація Праги, Геттэна, Кракова и другихъ центровъ тогдашняго славянства. Недаромъ пиведскій Гаральдъ рубился «за Ярославну, желая «добыть ее», сватроста другую Ярославну приходили сватать посылы далекаго французскаго короля, а польскій король Болеславъ являлся возстановлять своего зятя

на кіевскомъ престолѣ, недаромъ и Святополкъ побѣждалъ въ родственную ему Чехію.

Все это, всѣ свѣтлыя страницы кіевского періода мы основательно позабыли, уча о нихъ въ школѣ тогда, когда дѣтская голова не способна еще соображать даже и самыхъ простыхъ вещей. Пройдя такъ рано въ школѣ свѣтлую зорю нашей исторіи, мы съ нею никогда больше уже не встрѣчались, развѣ что тѣ немногіе изъ насъ, кто побывалъ на историко-филологическомъ факультетѣ университета. Всѣ остальные такъ основательно забыли первыя страницы нашей исторіи, что и поэтическая память о нихъ въ былинахъ намъ ничего не говоритъ. Да и что могутъ сказать эти сухіе обломки старины, потерявшіе свой истинный смыслъ, пройдя черезъ столько поколѣній раскодовъ, искажившихъ ихъ, какъ только кому было можно! И точно варочно классъ русской словесности предлагаетъ эти сухія и разрозненныя былинны въ тѣ именно годы школьной жизни, когда умъ школьника не въ состояніи ни понять, ни одѣлать истиннаго значенія этихъ отрывковъ. Словесность тоже, какъ и исторія, преподается въ хронологическомъ порядкѣ. Вѣроятно потому-то мы всѣ и утрачиваемъ даже тѣмъ живой связи съ прошлымъ, вичѣмъ не пользуясь изъ старой литературы, не понимая ея, не любя, а впоследствии не понимая и не любя и всей литературы вообще. Когда-то и кому-то еще доведется раскрыть сборники Рыбникова или Гильфердинга, или нинѣ! А и раскрывши ихъ, не особенный будетъ толкъ. Много ли встрѣтятся людей съ живымъ воображеніемъ, кому заговорить эти старые образы? Есть такая былина, которая рассказываетъ о томъ, какъ пмвно перелетѣли богатыри на Русь. Они убѣжали въ горы и превратились въ каменные глыбы, въ бездушныхъ пестукановъ. Что могутъ говорить эти загадочныя фигуры людей, воображенія у которыхъ недостаточно даже и для того, чтобы уразумѣть, что дѣлается вокругъ нихъ?

Большая заслуга В. П. Буренина, что онъ воскресилъ, хотя бы отчасти, хотя бы только нѣкоторые типы старой жизни, о которой мы не имѣли должнаго представле-

пія. Не знаю, какъ было съ авторомъ веселой комедіи о «Забавѣ», но мнѣ, написавшему оперу на ея сюжетъ, мнѣ въ всѣхъ театрахъ, гдѣ только ставили эту оперу, пришлось сталкиваться съ полнымъ незнакомствомъ и непониманіемъ актерами типовъ, которые имъ приходилось изображать. Всегда у всѣхъ понятіе «богатыря» связывалось съ понятіемъ о грубомъ и грузномъ человѣкѣ, бахвалящемся своею силою; всегда князь являлся сколкомъ съ Краснаго Солнышка въ «Рогнедѣ»; всегда Илько хотѣли изобразить старымъ, древнимъ старикомъ; блестящій и изящный дворъ Владимира, представляющій такой яркій контрастъ съ дикою татарскою ордою, всегда хотѣли изображать тѣми толстыми неповоротливыми мужиками, которые надобно до смерти и въ «народническихъ» драмахъ. Никакого сколько-нибудь опредѣленнаго, сознательнаго представленія о культурности стараго Кіева, о его тѣсной связи не съ татарскими соседями по Востоку, а съ Западною Европою, черезъ Чехію и Польшу! Всякій разъ приходилось начинать сначала и объяснять азбуку.

Такъ вѣроятно было и съ В. П. Буренинымъ при постановкѣ его граціозной и легкой комедіи, добытой имъ изъ сухого матеріала былинъ. Но творческій талантъ и познается въ умѣни создавать изъ неопредѣленныхъ материаловъ нѣчто красивое и законченное. Я жалѣю, что В. П. Буренинъ охладѣлъ потомъ къ былинамъ, что онъ не продолжалъ пользоваться материалами, представлявшими ему здѣсь. Можно было бы создать рядъ интересныхъ пьесъ, разумеется не такихъ, гдѣ матеріалъ былъ бы вслѣзованъ сырымъ, но именно такъ, какъ сдѣлалъ Вагнеръ, умѣвшій создать изъ отдѣльных, разрозненныхъ обломковъ сагъ и легендъ, величавшихъ ни ковада, ни начала, во всякомъ случаѣ цѣльную легенду о «Нибелунгахъ». Но и того, что В. П. Буренинъ указалъ драматургамъ и композиторамъ новую для нихъ область, уже достаточно для того, чтобы быть ему благодарнымъ.

М. Ксановъ.